

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. А. Окладникова
г. Санкт-Петербург, Россия

«КУКЛА-КУКУШКА» В ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Кукла-кукушка — это относительно полно изученный обрядовый атрибут Семика, традиционного русского аграрного праздника, завершающего Зеленые святки. Зачем ее изучать? Если остаться в рамках этнографического анализа, мы привнесем немного нового знания. Поэтому цель настоящей статьи — расширить рамки уже известного, а именно этнографически изученного обряда. В этом обряде ритуальное чучело (кукла-кукушка) традиционно поддерживало систему обычаев славянского аграрного общества. Мы сосредоточили внимание на современных практиках (обычаях), через которые и сегодня реализуются социальные функции (когнитивная, социализирующая, трансляционная, регулирующая и др.), определяющие работу социальных институтов в современных обществах. Важным аспектом обсуждения в статье является глубокая древность этого обрядового атрибута, его социальная значимость как элемента интеграции женских сообществ в архаических культурах. Проведенное нами полевым социально-антропологическое исследование в деревнях и поселках городского типа Ленинградской области выявило следующие социальные функции куклы-кукушки: 1) этноинтегрирующего (славянского, а именно центрально- и южно-русского) маркера женских сообществ современного русского населения этого региона; 2) свидетельствует о наличии архаизирующих современную сельскую культуру практик разной функциональной направленности, противостоящих влиянию американской глобализации; 3) элемента духовной культуры архаизирующего современный социокультурный ландшафт Ленинградской области, который в качестве инструмента используют местные муниципальные власти для проведения в жизнь установок патриотической политики возрождения русской культуры.

Ключевые слова: обрядовая кукла-кукушка, Ленинградская область, социокультурный ландшафт, этнокультурная идентификация, архаический синдром.

Информация об авторе: Елена Алексеевна Окладникова — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, 193000 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.01.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Окладникова Е. А. «Кукла-кукушка» в этноидентификационных практиках современного населения Ленинградской области // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 64–86.

Различные аспекты темы настоящей статьи в последние годы получили освещение на страницах «Вестника славянских культур». В частности, вопрос о соотношении либерализма и патернализма в истории России [13, с. 17–22], современном значении спора западников и славянофилов [3, с. 48–56], общая женская проблематика, как представленная в статье О. А. Туфановой о женских образах во «Временнике» Ивана Тимофеева [35, с. 87–94], так и в полной тонкого лиризма статье Т. И. Радомской об образе Татьяны из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [29, с. 64–70]. На страницах журнала рассматривались этнокультурные аспекты русского языка на уровне общеславянской фразеологии [18, с. 128–138], роль этнических образов русской культуры в контексте истории культур славянских народов [21, с. 196–198] и др. Наработки авторов «Вестника славянских культур» облегчили нам постановку и решение исследовательских задач по теме статьи.

Исторически сложилось так, что Ленинградская область является контактной зоной для различных этнических культур. В послевоенные годы (середина XX в.) в силу политических, социальных и экономических причин преобладающим населением южной части этого географического региона стали русские, а именно выходцы из Псковской, Новгородской, Тульской, Костромской, Брянской и др. областей Северной и Центральной России. Особыми условиями, в которых складывалась этнокультурная карта Ленинградской области, были пространственно-географические (равнинные территории, болота, леса, обилие водных ресурсов), климатические (белые ночи, относительно теплый, влажный климат), исторические (нижняя граница заселения человеком 10–12 тыс. лет назад, распространение культуры ямочно-гребенчатой керамики, длительное существования населения в сферах политических интересов нескольких государственных центров: Швеции, Финляндии, России), этнокультурные (контактная зона славянских племен и народов финно-угорского круга). Заслуживает внимания факт возникновения в XVIII в. устье Невы столицы Российской империи — Санкт-Петербурга, изначально ориентированной Петром I на создание в России центра европейской городской культуры. В конце XVIII–XIX вв. торговый оборот Санкт-Петербургского порта был одним из самых крупных в Западной Европе.

Ко времени строительства Санкт-Петербурга на территории Ленинградской области чересполосно жили вепсы, водь, ижора и славяне. Русские поселения были представлены деревнями и селами. В «русских летописных документах слово “село” встречается в 907 г., “погост” — в 947 г. “деревня” — в 1096 г. <...> Кроме того, в тех же документах применяются и производные этих слов, наряду с селом — “сельцо”, “селишко”, “селище”, рядом с деревней — “деревнишка”, “деревушка” — термины, уточняющие размеры и общественное значение отдельных населенных пунктов. Термин “село” — один из самых древних, встречающийся во всех славянских языках. Под ним понималось центральное селение, к которому тяготеют деревни и в котором находится церковь. “Деревня” — это основной тип поселения русских крестьян, куда входили от 1–3 до 10–15 и более дворов. Основным отличием деревни от села по порядку, принятому в Российской империи, было отсутствие церкви в деревнях...» [26, с. 176–195].

Аналогичным образом происходило развитие ижорских деревень. Например, ижорская деревня Лагола в XIX в. разделилась на Лаголу и Кирпуны, когда количество пахотных земель стало превышать число жителей. Родственные группы населения Ленинградской области до начала XX в. практиковали совместное пользование земельными угодьями, коллективизм в сельскохозяйственных работах и постройках жилищ.

В 2014–2017 гг. мы проводили социально-антропологические наблюдения в семи населенных пунктах (пос. Сельцо, д. Монастырьки, д. Котлы, д. Добрянницы, пос. Ор-

жицы, пос. Лаголово, д. Гостилицы). Цель наблюдений — изучение этнокультурных особенностей эволюции социального ландшафта Ленинградской области. Модельной территорией исследования стали Лаголовское и Оржицкое муниципальные поселения, в Домах культуры которых собираются женщины, сохранившие навыки изготовления тряпичной куклы. Исследование было осуществлено с позиций социальной антропологии качественной социологической методикой нарративного интервью. Этот метод предоставил для работы большой объем документов (транскриптов интервью с респондентами). В нашем исследовании за три года приняли участие 75% женщин в возрасте от 16 до 60 лет и старше, 25% мужчин в том же возрастном диапазоне (N=234 человека). Иными словами, эмпирический объект исследования представлен сельским населением, большинство из которых женщины, жители поселков городского типа. Несмотря на все наши усилия сделать выборку репрезентативной в социологическом смысле этого слова, нам это не слишком удалось, ибо нам не всегда удавалось, даже определив единицу на каждой ступени выборки, опросить необходимое количество респондентов. Причиной тому стали обстоятельства исследований, а именно работа под эгидой местных органов самоуправления на местах, женщины-руководители которых не всегда понимали необходимость наших исследований. Поэтому мы были вынуждены работать с выборкой, созданной по методикам «доступных случаев» и «снежного кома». Тем не менее развернутые ответы респондентов, полученные нами в ходе обстоятельного разговора с респондентами, позволили получить более фундированный и пригодный для анализа материал, чем скудные цифры количественных методик.

Объектом нашего исследования были явления духовной жизни современного населения поселений городского типа Ленинградской области, а именно: особенности исторической памяти людей, ее объем и глубина. Цель исследования — аксиологический анализ влияния глобализации на особенности исторической памяти людей этого региона. Предметами, на которых мы сосредоточили фокус нашего исследования, стала историческая составляющая образов окружающего ландшафта и поколений в сознании наших респондентов. Изучая представления респондентов об образах поколений, мы сосредоточили внимание на нескольких предметах (знаниях респондентов об истории семьи, фольклорных традициях, практиках повседневной традиционной культуры, с которой респондент себя идентифицировал). Среди многообразных фольклорных традиций, о которых мы беседовали с респондентами, мы «вышли» на практику изготовления разных типов тряпичной куклы (что не удивительно, так как большинство респондентов были женщинами), в числе которых оказалась довольно редкая ее разновидность — обрядовая кукла-кукушка.

Выбранная в качестве «исследовательского случая» («case study») обрядовая кукла-кукушка позволила нам высказать предположение, что знание респондентов об обрядности, с нею связанной, и умение изготавливать куклу такого типа: 1) является маркером славянской этноидентификации местного населения; 2) свидетельствует о наличии архаизирующей современную сельскую культуру практик разной функциональной направленности, противостоящих влиянию американской глобализации.

1. Обрядовая «кукла кукушка» как разновидность орнитоморфного кода традиционного русского аграрного календаря

Согласно этнографическим данным, которые содержатся в работах Т. А. Бернштам [4, с. 179–209], Е. Н. Елеонской [11], Р. Е. Кедриной [15], М. С. Альтшулер [1], Л. И. Виноградовой [7], А. В. Гура [9], М. П. Чередниковой [36], В. А. Смирнова [32]

и др., кукла-кукушка была одним из базовых атрибутов обрядности «Зеленых святок» в традиционной крестьянской культуре Центральной России. «Зеленые святки» — это восточнославянский праздничный комплекс. В среде русских крестьян «Зелеными святками» называлась неделя, предшествующая празднику Троицы. Этот праздничный комплекс знаменует окончание весны и начало лета. Он включает несколько праздников (Преполование, Вознесение, Семик). Кукла-кукушка фигурировала в качестве обрядового атрибута в Семике Южной и Центральной России (Калужская, Орловская, Тульская, Курская, Брянская, Белгородская области). Семик — это женский аграрный праздник, сценарий которого включал обходы засеянных полей, гуляния, трапезы, вождение ритуальных хороводов в поле, величание ржи, качание молодежи на качелях, поминовение «заложённых покойников», в основном, утопленников (северо-восток России). Сценарии Семика отличаются друг от друга в разных частях России. Тем не менее за обрядом стоят схожие социально-культурные явления. Среди таких явлений мы можем выделить: 1) связь с заупокойным культом, причем именно с культом заложённых покойников; 2) связь с водной стихией; 3) ориентацию на стимуляцию роста посевов через аграрную магию; 4) преимущественно женский состав участников. Изготовление куклы-кукушки было базовым женским ритуалом Семика. По своему типу кукла-кукушка относится в категории обрядовых чучел (аналогичных Масленице, Марене, Костроме, Яриле, Купале), т. е. она является субститутутом некоего фольклорного или мифологического персонажа, по своим ритуальным функциям ему тождественным.

Отличительными особенностями кукушки как персонажа славянской мифологии являются ее связь с: 1) женским началом; 2) женской/мужской репродуктивной магией; 3) симпатическими приемами магии плодородия (людей и растительности), включая гадательные процедуры на жениха; 4) потусторонним миром, знание времени жизни конкретного человека; 5) заколдованными кладами (объектами обогащения и благополучия).

По этнографическим материалам известны три наиболее распространенных типа кукол-кукушек: 1) орнитоморфный (начиная от реальной птицы-кукушки, вплоть до орнитоморфной куклы) [31]; 2) антропоморфный («здоровая девка» (Брянск. обл); «кукушка-вдова», «кукушка-девочка» (Калуж. обл); «покойница» (Воронеж. обл.); «невеста» (Белгородская обл.) [15]; 3) фитоморфный (куклы, изготовленные из травы, соломы, соцветий, стеблей и корней ятрышника пестрого) [12]. Изучая исторические корни волшебных сказок, советский фольклорист В. Я. Пропп писал, что материал, из которого изготавливалось ритуальное чучело, т. е. антропоморфное изображение растительной силы, мог быть любым. Дерево, ветка, солома, ткань дополняли друг друга [27]. Тем не менее именно в практиках подбора материала для изготовления чучела проявлялась половозрастная, т. е. социально дифференцирующая особенность кукол-кукушек. В Калужской области куклам-кукушкам на головы обязательно надевали красные платочки, при этом в старые времена лица тряпичным куклам-кукушкам не раскрашивали. Как писала известный советский этнограф Т. А. Бернштам, «в Калужской губ. в одежде кукушки обязательно присутствует красный цвет: красные сарафан и платок, травку или корень “пеленали” в красный лоскут, траву украшали красными лентами, пестрые лоскутки всегда содержали красный цвет, из травы “кукушкины слезки” сплетали венки и перевязывали его красной лентой» [4, с. 186].

Такие куклы имели тонкие прямые птичьи ножки из прутьев с красными сапожками на них (рисунок 1, 2). Только в XX в. на белую ткань лица стали наносить круглые (птичьи) глаза, крючковатый птичий нос-клюв и маленький рот. В Костром-

ской области девушки на выданье делали кукушек из травы (ятрышник пятнистый). Ятрышник используется в народной медицине как средство, помогающее при родах и женских болезнях, а также в любовной магии (рисунок 3). Взрослые женщины делали кукушек из березовых веточек, наряжали в сарафаны, одевали на голову кукле черный вдовый платок. Такие куклы использовались в обряде гадания на урожай (рисунок 4). В Белгородской области для изготовления обрядовой «кукушки» использовалась болотную траву кугу. «Кукушка» представляла собой треугольную сплетенную косичкой конструкцию с округлой головой, прямыми палочками-руками. Обрядовая кукла (ритуальное чучело) играла важную коммуникативную роль в жизни крестьянской общины.

Рисунок 1 — Кукла-кукушка молодых девочек
Figure 1 — A cuckoo doll for young girls

Рисунок 2 — Вариант куклы-кукушки молодых девочек
Figure 2 — A version of cuckoo doll for young girls

Рисунок 3 — Кукла-кукушка девушке на выданье (Весенняя обрядовая игра Похороны кукушки: а) кукушка в рубахе и платке, б) кукушка — трава «кукушкины слезы»

Figure 3 — Cuckoo dolls for a marriageable girl (according: the spring ritual game Funeral of cuckoo: a) cuckoo in the shirt and handkerchief b) cuckoo — the grass called “cuckoo’s tears”

Рисунок 4 — Кукла-кукушка взрослых женщин
Figure 4 — An adult female cuckoo doll

2. Исторические корни образа обрядовой куклы-кукушки

Несмотря на широкое распространение в Южной и Центральной России куклы-кукушки и связанной с нею обрядности, при описании и толковании семантики как самого обрядового артефакта, так и ритуальный действий, сопровождавших обряд «крещения и похорон кукушки», исследователи сталкивались с многочисленными сложностями. Путаницу в формировании общей модели обряда вызывали: 1) его региональные варианты; 2) структурная многоплановость акционального кода; 3) разнообразие и свобода в выборе материалов для изготовления обрядового артефакта – ритуального чучела; 4) многообразие сценариев (разновидности драматургии) обряда; 5) несогласованность акционального, вербального и предметного обрядовых кодов; 6) противоречия толкований информантами семантики конкретных культовых действий. В результате ученым пока не удалось построить законченную, отличающуюся концептуальной стройностью модель обряда. Это можно объяснить тем, что не только символический и мифопоэтический коды с течением времени менялись и обновлялись, но переосмыслился и акциональный код обряда. Например, в древности был обычай приносить девушку в жертву реке. Это делалось в начале посевной и должно было способствовать произрастанию посевов [27, с. 120]. В Белгородской области вплоть до недавнего времени в Семицкой обрядности куклу-кукушку «хоронили» — спускали по воде на плоту из травяных волокон.

В то же время такая сложность в концептуализации модели обряда указывает: 1) на его глубокую древность; 2) широкое пространственное распространение узнаваемого обрядового атрибута и связанных с ним ритуалов; 3) этнокультурную ассимиляцию базовой системы мифологических представлений, сформированных в мифопоэтической картине мира людей, живших долгое время в одном климате и ландшафте. Эти люди занимались одним видом хозяйственной деятельности, а именно земледелием. Архаизм обряда «Крещения и похорон кукушки» вкупе с его акциональным, вербальным, предметным разнообразием стали почвой, на которой возникли некоторые любопытные объяснительные гипотезы. Например, интерпретация обрядности кумления девушек как реликтового элемента, являющегося отголоском культа Великой Богини-матери, изученного М. Гимбутас и др. археологами на материалах истории и культуры Средиземноморья и Ближнего Востока эпохи бронзового века. Эта гипотеза была высказана впервые Т. А. Бернштам [3, с. 181], а затем получила своеобразное развитие в работе А. Дугина [10, с. 4–8].

Т. А. Бернштам, вслед за фольклористом В. Я. Проппом, этнографами В. К. Соколовой, Л. Н. Виноградовой, высказала идею о том, что обрядность «Похорон кукушки» восходит к древней женской инициационной обрядности (обрядам перехода). Практики этой обрядности были известны всем народам Древнего мира. Женская/мужская инициационная обрядность имела ярко выраженные сценарные, акциональные, вербальные, символические отличия. В женских инициациях акцентировалась репродуктивная направленность и связь женщин с миром мертвых-предков, ответственных за плодородие. Поэтому ритуальное чучело — кукла-кукушка — в обряде являла себя существом женского пола (девушкой брачного возраста, молодой, вдовой).

Наиболее полная версия описания обряда «Крещения и похорон кукушки» содержится в трудах Е. А. Журавлевой, М. С. Альтшулер, Н. Русановой, которые занимались этнографическими наблюдениями позднее, чем Т. А. Бернштам. Сегодня, как писали эти исследователи, в современной обрядности «Крещения и похорон кукушки» возникло столько новых напластований, произошло множество переосмыслений, сме-

шений разных форм акцинальных, вербальных, символический и сценарных кодов, что не только репертуар обряда, но и само название стало абсолютно условным.

Другая объяснительная гипотеза была сформулирована выдающимся советским этнографом Д. К. Зелениным, который высказывал предположение о том, что древние, тотемические по своему характеру представления о кукушке позднее повлияли на представления земледельцев о влиянии весенней активности кукушки на плодородие земли. На тотемические истоки обрядовой куклы-кукушки указывают рудиментарные практики использования в ритуалах «Зеленых святок» настоящей, специально убитой для обряда птицы (кукушки, воробья, синицы). Другим указанием может служить факт ритуальной совместной с кукушкой трапезы участниц обряда. Эта трапеза была своеобразным «заеданием» опасности, которой наделялась кукушка, мистически связанная с миром мертвых, миром предков, от которых во многом зависело плодородие людей, животных и растений. Совместное ритуальное «заедание» опасности имманентной кукушке как оритоморфному тотему — широко распространенная обрядовая практика. Акт «заедания» мог также толковаться как ритуал кормления источника опасности. Поэтому праздничная трапеза на «Зеленые святки», а именно во время обряда «Крещения и похорон кукушки», носит апотропейный характер. Согласно гипотезе, сформулированной А. В. Никитиной [23] со ссылками на работы О. М. Фрейденберг и Т. А. Агапкиной, со временем обрядовые тексты постепенно превращались в ритуальные призывы, архаические инвокации. Позднее ритуальные инвокации такого типа замещались текстами обрядности кумовства. Гипотетически семантика образа кукушки, ее голосовых особенностей связывалась в мифопоэтике славянских земледельческих племен с представлениями о мире мертвых, а также с оборотничеством и женской природой.

На основании ранее высказанных учеными гипотез о генезисе социальных и связанных с ними ритуальных функций «куклы-кукушки» как атрибута славянской аграрной обрядности «Зеленых святок» позволим сделать предположение о том, что истоки орнито-, антропоморфного образа кукушки уходят в глубокую древность, а именно в культуру каменного века Евразии. Наше предположение основано на анализе тематики палеолитического искусства Евразии. Свидетельства тому, что обряд «Крещения и похорон кукушки», который с течением времени вошел в репертуар обрядности «Зеленых святок», можно найти в базовой тематике образов палеолитического искусства Евразии, а именно в темах «Любви» и «Смерти». Тему «Смерти» олицетворяли многочисленные изображения животных, ославленные первобытными художниками на стенах знаменитых палеолитических пещер Франции и Испании (Фон-де-Гом, Ляско, Альтамира и др.). Исследователи палеолитического искусства полагали, что олицетворениями темы «Любви», деторождения, продолжения рода, плодородия людей и животных были изображения женщин. Уникальные женские фигуры, так называемые палеолитические Венеры, являются символами Великих матерей-прародительниц западноевропейского палеолита.

Формальный анализ, а именно классификация скульптурных изображений палеолитических Венер древнего европейского искусства по внешнему виду, размеру, способам передачи общих черт и пропорций женского тела, позволил выделить две крупные группы этих скульптур. В первую группу вошли изображения пышнотелых женщин зрелого возраста, много рожавших и, вероятно, умудренных жизненным опытом, уважаемых членами их рода (рисунок 5, 6). Во вторую — изображения молодых девушек со стройными уточенными телами, еще не испытавших тягот материнства (рисунок 7, 8).

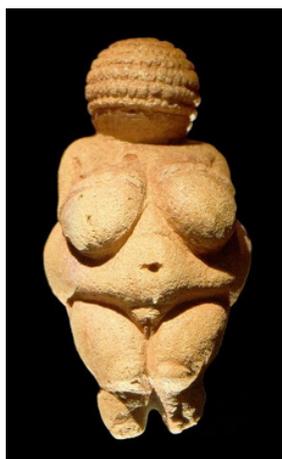

Рисунок 5 — Венера. Виллендорф. Австрия
Figure 5 — The Venus. Willendorf. Austria

Рисунок 6 — Черная Венера. Глина. Долние Вестоницы
Figure 6 — The Black Venus. Clay. Dolní Vestonice

Рисунок 7 — Гравированные женские фигурки. Каменная плитка. Геннерсдорф
Figure 7 — Engraved female figures. Stone tile. Hennersdorf

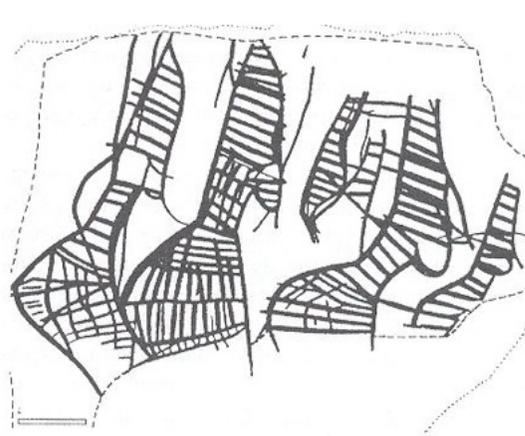

Рисунок 8 — Гравированные изображения женских фигур. Сланцевая плитка. Геннерсдорф
Figure 8 — Engraved images of female figures. Slate tiles. Hennersdorf

Спустя века, традиция изображать два типа женщин, представляя их в образах женских божеств, связанных с культом плодородия, сохранилась и в культуре населения эпохи бронзы у земледельческого населения Трипольской культуры (рисунок 9, 10), т. е. в истоках культуры славянских племен Центральной России. Разумеется, стилистическая смена образов пышнотелых Богинь-Матерей прародительниц произошла с переходом от реалистического видения мира художниками эпохи Мадлен к более рациональному и абстрактному восприятию реальности художниками эпохи неолита. Но с течением исторического времени, т. е. сменой жизненных укладов и социальных институтов, их поддерживающих, менялся и социальный статус женщины: от статуса Великой Богини к статусу подчиненного и социально ущемленного существа. Кроме того, социальный статус женщины по мере продвижения ее по жизненному пути также менялся. Историческое сосуществование в искусстве верхнего палеолита изображений пышнотелых и стройных женских статуэток указывает на возможность того, что эти статуэтки изображали женщин в разные периоды их жизни. Изображения женщин

со стройными и грациозными формами тел (рисунок 7, 8) представляли молодых девушек, а с пышными формами — пожилых матрон (рисунок 1).

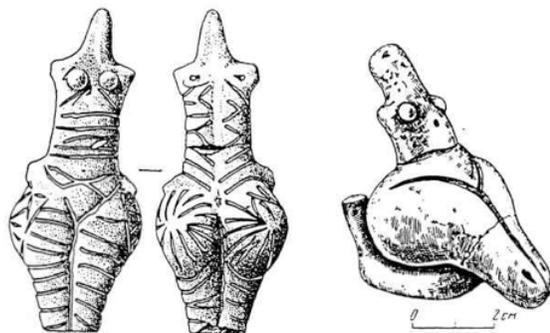

Рисунок 9 — Пышнотелые женские изображения.
Раннее Триполье
Figure 9 — Corpulent women's image. Early Tripoli

Рисунок 10 — Стройные женские изображения.
Позднее Триполье
Figure 10 — Slender female images.
Later Tripoli

Сквозь тысячелетия именно этот набор социальных статусов и связанных с ними социальных ролей в системе женского традиционного сообщества (девочка/девушка/молодуха/бабка) демонстрирует нам кукла-кукушка в традиционной обрядности «Крещения и похорон кукушки». Обряд «Крещения и похорон кукушки» был чисто женским. В нем принимали участие как пожилые, так и молодые женщины. Сценарий обряда предполагал: 1) символическое захоронение ритуального чучела — куклы-кукушки, которую делали разными способами. В течение года с использованной в обряде куклой девочки могли играть. Через год куклу уничтожали; 2) кумление — совершение обряда побратимства между женщинами; 3) ритуальную трапезу в лесу.

Социальные функции обрядовой куклы-кукушки

Социальные функции обрядовой куклы-кукушки связаны с ее мифологией и специфическими мистическими функциями, особенности которых описаны в трудах специалистов в области этнографии русских Р. Е. Кедринной [15], Е. Н. Елеонской [11], Т. А. Бернштам [5], И. А. Морозовым [22], А. Ш. Строк [34], А. В. Никитиной [23], М. М. Громыко [8] и др. Социальные функции этого обрядового атрибута тесно ассоциированы со смысловой сферой культурного поля славянской аграрной культуры.

Обрядовые артефакты тесно связаны с обычаями, т. е. практиками повседневной и праздничной жизни в традиционных культурах народов мира. Обрядовая кукла-кукушка — это иллюстрация, отсылающая нас к обычаям традиционной славянской (аграрной) культуры. Среди таких обычаев в мире материального производства славянских народов играли земледельческие, поддерживавшиеся календарной, метеорологической обрядностью и культом плодородия, реинкарнации жизни. Обрядовые атрибуты, включая разнообразные ритуальные чучела (Масленицу, Кострому, куклу-кукушку и т. п.), выполняли определенный набор социальных функций, среди которых наиболее важными были: 1) социально-когнитивная; 2) социализирующая; 3) социально-регулятивная; 4) социально-трансляционная; 4) социально-интегративная.

Социально-интегративная функция куклы-кукушки как обрядового атрибута была важна для консолидации жизни сельской общины. Эта функция реализовывалась на трех уровнях социальной жизни русской крестьянской общины.

Первый уровень — этно-интеграционный. Этнографы (Т. А. Бернштам [4, 5], Е. А. Журавлева [12], О. А. Пашина [25], Н. Русанова [30], В. А. Смирнов [32], А. В. Никитина [23], Е. Н. Виноградова [7]) указывали: Семицкая неделя завершала цикл «Зеленых святок». Ритуалы Троицкой обрядности, в которую входит Семика, основаны на вере в то, что в этот период года родители («большие» и «малые») навещают своих потомков в мире живых. Живые активно готовились к встрече с родителями: прибирали дома, украшали их внутри и снаружи зелеными ветками, чистили деревенскую улицу, ставили у домов и на могилах березки. При этом верили, что на эти березки прилетают птицы-субституты душ умерших предков [20, с. 36]. При этом мыслилось, что истинным объектом символической заботы являлись души молодых покойников, беспокойных и тем опасных [6, с. 200–201].

В начале Семика женщины делали кукол-кукушек, которых затем прятали в укромном месте в лесу. При этом о месте «схрона» знали только две девушки. Остальные в эту тайну не посвящались. Сам процесс изготовления кукол-кукушек был окутан таинственностью и был по своему типу закрытым ритуалом. Поиск сырья (травы), которая шла на изготовление ритуального чучела, — это занятие для посвященных: растения отыскивались на особом, обычно неизвестном непосвященным месте. Это место отыскивали заранее или традиционно приходили на него только знающие женщины. Место, где собрали подходящую траву, оставалось неизвестным для других жителей деревни. Обрядилась (или изготавливалась) кукушка также тайно. При этом ткань для изготовления куклы могли собирать со всей деревни одна или две девушки, т. е. специально посвященные в таинство создания ритуального чучела женщины. Ни одна из участниц обряда не сознавалась, что умеет делать куклу-кукушку, «снаряжать и крестить ее» [15, с. 91–92]. Даже сегодня респонденты, как правило, пожилые женщины, таинственным шепотом сообщают исследователям, что они «умеют еще и куклу-кукушку делать»¹. Закрытость обряда, ритуальная таинственность есть свидетельство его особой древности [4]. В данной связи стоит упомянуть тот факт, что трансляция системы ритуальных практик и акционально-символические коды, ее сопровождающие, сохранились сегодня в детской игре в «секреты». Автор настоящего текста сама в детстве, т. е. в конце 1950-х гг., принимала участие в этой игре. Как нам удалось недавно выяснить, в правила этой игры были посвящены и представители более молодого поколения женщин, рожденных в 1970-х гг. [10, с. 133–139].

Акт «крещения кукушки» путем опускания ритуального чучела в воду на материалах широкого сравнительного анализа объясняется этнологами как технология магического оживления, анимации обрядового артефакта². Участники обряда верили, что именно символическая анимация, т. е. наделение объекта культа жизненной силой, придает магизм ритуалу.

Завершался ритуал Семика деревенским праздником, в сценарий которого входили: 1) гастрономическое действие (изготовление ритуальной еды: ватрушек, пирогов

¹ Столярская Ж. Ф. (сотрудница Краеведческого музея, г. Калуга). Личное сообщение. Архив автора. СПб., 2017.

² Шаманы индейцев Калифорнии «оживляли» ритуальные атрибуты и костюм из шкуры кондора, взбрызгивая их водой и посыпая порошком из специальных трав. Освященные таким образом шаманские регалии, поместив в плетеные корзины, оставляли на ночь в доме для церемоний. Корзины прикрепляли к центральному столбу дома для церемоний, который олицетворял мировое дерево.

из ячменной муки, яичницы, пива); 2) драматическое действие (хороводы, песнопения); 3) магическое действие (женские ритуалы в лесу и в поле). В лесу, на засеянном поле, у водоема с проточной водой женщины-участницы обряда «похорон кукушки» уничтожали орнитоморфное/антропоморфное ритуальное чучело [25, с. 27–49]. Куклу-кукушку либо разрывали на кусочки, либо топили в проточной воде. Аллоформы мифологических существ, воплощавших в обрядах растительную силу Природы, чаще всего изготавливали из растительных волокон: травы, веточек, соломы. Например, воплощением растительной силы Природы мог быть сноп, облаченный в женское платье, украшенный лентами. Разрывание чучела (куклы-кукушки из соломы), зарывание фрагментов в землю или акт разбрасывания остатков растерзанного чучела по полям воспроизводил процедуру засеивания поля, опускания в землю зерна [27].

Аннигиляция мистической атмосферы обряда разрушалась разными способами. В некоторых областях Центральной России фрагменты этого обрядового чучела зарывали на краю засеянного поля. На Белгородчине тряпичную куклу-кукушку помещали на сделанный из травы плот и пускали по течению реки. В Костромской области антропоморфную куклу-кукушку захоранивали в игрушечном гробу. Разрыванию подвергали, как правило, ритуальное чучело, сделанное из соломы, чему есть специальное объяснение. Акт обрядовых похорон ритуального чучела был необходим для аннигиляции магии обряда, т. е. для психологического обезвреживания воплощенных в ритуальном чучеле вредоносных сил и с целью направить активность духов в созидательное русло: использовать ее для вызревания посевов, вызова дождя. Акт зарывания фрагментов уничтоженного ритуального чучела в поле или сплавление куклы-кукушки по реке указывают на аграрно-метеорологический характер самой Семицкой обрядности. Обрядность «похорон кукушки», как полагал В. Я. Пропп, идеально вписывалась в систему ритуалов аграрно-продуцирующей магии, цель которой — стимулирование всех видов плодородия: земли, животных, растений и людей [28]. Но не только. Мифологическая традиция снабдила кукушку гораздо более широкой и глубокой символикой. В природе кукушка — довольно редко встречаемая птица. Зато в конкретное время на излете весны повсеместно можно слышать ее гулкий, далеко разносимый лесным эхом голос. Миф наделил кукушку медиативно-прогностической ритуальной функций. Кукушка, как другие птицы, — посредник между небом и землей, между миром живых и мертвых. Но, помимо этого, она еще есть воплощение души заложенного, неблагополучного покойника. Поэтому культ кукушки, отправляемый в период обряда «Крушения и похорон кукушки», более, чем другие обряды аграрно-продуцирующей магии, имеют целью нейтрализовать силы, которые могут оказать негативное влияние на плодородие людей, растений, животных.

Кроме того, если посмотреть на карту, то ритуал «Крещения и похорон кукушки» охватывает ареал расселения вятичей. Поэтому все представители женского сообщества, которые принимали участие в этом обряде, являлись представителями одного из этносов, позднее сформировавших основу русской народности.

Второй уровень — групповая интеграция по женской социальной линии, т. е. установление социального родства между членами одного этноса. Обязательный ритуал кумления, т. е. совершения обряда женского побратимства (рисунок 11, 12). Узы социального родства скрепляли пару молодых девушек/женщин в течение года. На практике этот обряд мог иметь продолжение в процессе заключения брачных союзов между членами «покумленных социальных сообществ» — кланов, семей. Обряд кумления происходил следующим образом. Женщины шли в лес. Находили две близко растущие

молодые березки, связывали их ветви платками или лентами, образуя венок. Иногда венки из цветов, травы и веток березы плели отдельно и вешали на березу, рядом с которой совершали обряд кумления. Кумились по-разному. Девушки попарно целовались через венок, вставляли на колени, произнося друг перед другом обещание в течение года не ссориться и помогать друг другу, менялись платками или платьями. Через венок целовали ритуальное чучело — куклу-кукушку, обменивались платками, крестами, кольцами, крашеными яйцами. Взявшись за руки, парами девушки проходили под сплетенными ветвями берез.

Рисунок 11 — Кумление. Современный ритуал
Figure 11 — Huddling. Modern ritual

Рисунок 12 — Женский ритуал кумления, XIX в.
Figure 12 — Female ritual huddling, XIX century

Акциональная семантика завивания венков связана с магической практикой окультуривания пространства, превращения мира духов, т. е. мира природы, леса в освоенную ойкумену. Создание из природных объектов (ветвей березы, цветов, травы) культурных артефактов осмыслялось как творение новой реальности, созданной человеком и, соответственно, подвластной человеку реальности. Круглая форма венка — это отсылка к плоской круглой вселенной земледельца, защищенной границами знакомого мира, жизненное пространство которого находится внутри круга-оберега.

Венки, которые использовались в семицкой обрядности, были разных типов. Они отличались размером и материалом, который использовали для их изготовления. Малые венки из цветов, молодых ветвей березы (на голову) использовались в Троицкой обрядности и в обряде кумления. Венки из ветвей березы большего размера девушки делали в последний вечер Троицкой недели (в день проводов русалок) и вешали на березы, чтобы русалки могли на них качаться [2]. Венки из березовых ветвей девушки тайком в русалий вечер (на Троицкой неделе) бросали в воду, «чтобы те добыли им хороших женихов» [14]. Считалось, что от русалки, которая получит венок, девушка сможет узнать свою будущую судьбу. Венки, развешанные на деревьях, на которых качались русалки, были связаны с купальскими эротическими удовольствиями. Таким образом русалку старались задобрить, отвлечь от мстительных мыслей, обратить в свою сторону.

Кумление, приуроченное к ритуалу «Крещения и похорон кукушки» связывало двух молодых женщин-участниц на один год узами социального родства. Девочки изготавливали кукол-кукушек из травы, затем обменивались ими. В течение года эти ку-

клы хранились у покумленных девочек, и ими «играли». При этом девочки знали, что в полученной в подарок кукле-кукушке находится часть души дарительницы. Куклу-кукушку делали и крестили на Вознесенье, а хоронили на Троицу.

Желание «раскумиться», т. е. снять с себя обязательства добрых отношений и взаимопомощи, у покумленных женщин возникало крайне редко. Через год, в день празднования Троицы, куклу-кукушку прошлого года покумленные девочки приносили в лес, где ее хоронили (закапывали). Ритуал «Похорон кукушки» требовал от участниц совершения следующих тайных (спрятанных от мужских глаз) обрядовых действий: 1) куклу сбрызгивали водой (обмывали); 2) укладывали в игрушечный гробик, который ставили около окна на лавке со словами: «Отдаем девку замуж»; 3) гробик несли на полотенцах в поле (указание на связь с аграрной магией), где и закапывали. Магическая составляющая обрядности подчеркивалась тем, что ни одна крестьянка не сознавалась, что она делает куклу-кукушку [19]. В некоторых случаях, куклу притапливали или разрывали на мелкие кусочки. Похороны сопровождалась поминками-праздником с угощением и хороводами.

Третья форма: поддержка процессов поло-возрастных именно женских инициаций. «Кукушка», которую в ритуале крестят или хоронят, всегда женский персонаж. Это только девочка/девушка/дочь/сестра/обобщенная сирота/ обобщенная невеста/ обобщенная вдова.

На Троицу ритуал с изготовлением новой куклы и обряда кумления, действие которого распространялось на следующий год, повторялся. Считалось, что вместе с куклой девушки хоронят (избавляются) от дурных черт кукушки, а именно ее способности подкладывать свои яйца в гнезда других птиц. Это был символический акт отказа от «кукушества» и провозглашения практики материнства. Д. К. Зеленин видел в обряде кумовства как установления временных отношений социального родства установление договорных отношений с русалками, т. е. женскими духами природы. Он полагал, что кукушка в данном ритуале является символическим заместителем русалки (одинокой несчастной девушки, дух которой стал духом природы). Цель заключения такого договора: 1) узнать от русалки по венку, на котором она будет качаться, свою будущую судьбу; 2) предоставить русалке эротические развлечения, связанные с купальской обрядностью; 3) задобрить, успокоить русалку, чтобы в следующем году она не мстила, а помогала [14].

Третий уровень — социально-стратификационный (социализационный). По сути дела, кукла-кукушка исполняет роль орнитоморфного двойника человека. В Олонецкой губернии в XIX в. основу куклы делали из деревяшки, обмотанной рыбачьей сетью. Рыбачья сеть — неотъемлемый атрибут традиционной русской свадебной обрядности Севера России. После того, как кукла была облачена в белую нижнюю рубаху, сверху на нее надевали платье (или сарафан). Белая рубаха — еще одна символическая отсылка к похоронному (по своей символике — реинкарнационному) обряду. Обряд «Крещения и похорон кукушки» можно считать реинкарнационным, так как в его процессе «хоронили» детский (девичий) (13–20 лет) статус крестьянской женщины, символически в обряде получавшей новый социальный статус — молодой женщины (молодухи) (21–42 года). В обряде живой двойник куклы-кукушки — юная крестьянка — приобретала новый социальный статус после обряда, т. е. символически «рождалась» в обряде женщиной. На голову вновь созданной кукле-кукушке, мифического двойника молодой крестьянки, мастерица обязательно повязывает красный платочек — атрибут праздничного (свадебного) костюма, символ молодости и красоты.

Только после того, как процесс изготовления куклы был завершен, на белой материи лица куклы мастерица рисовала круглые птички (или еще более страшные, обозначенные двумя вписанными друг в друга окружностями, — «рыбы») глаза, крючковатый птичий нос и небольшой антропоморфный рот.

В коллекциях этнографических музеев сегодня можно увидеть три разновидности кукол-кукушек, использовавших в обрядах. Каждая из разновидностей кукол этого типа, облаченная в соответствующий каждому возрасту человека наряд, обозначала уровни/типы половозрастной стратификации, свойственные традиционной славянской аграрной культуре.

Первый половозрастной тип был представлен в обряде куклой в красном платочке, тонконогая, с косой (символ статуса очень молодой девушки, девочки). **Второй половозрастной** тип — кукла-кукушка, символизирующая статус молодой замужней женщины. **Третий половозрастной** тип — старая женщина, в черном вдовьем платочке. Иными словами, обряд похорон кукушки — это, несомненно, переходный обряд, закреплявший систему женских социальных статусов в традиционном обществе. Об этом свидетельствует сам антропоморфный облик обрядового атрибута — куклы. Кукла-кукушка в похоронной части обряда всегда как персонаж женского пола. В записях исследователей раннего времени указывалось, что кукушка-покойница — женщина старшей возрастной группы или вдова.

Каждая возрастная категория женщин и мужчин в традиционном русском обществе пользовалась своей особой социальной репутацией и выполняла конкретную общественную функцию. Наглядное знакомство с социальными механизмами функционирования традиционного общества у молодых крестьянских девушек происходило в том числе и с помощью кукол-кукушек в Семицкой обрядности.

Социально-интеграционная функция куклы-кукушки, как полагали исследователи обрядов и мифологии славянских племен, имеет давнюю историю и связана с общей историей славянских и, шире, индоевропейских племен (см. труды В. Мангардта [40], А. Губернатиса [38], В. Клингера [16], О. Кольберга [39] и др.).

Социально-регулятивная функция. Вместе с другими ритуалами аграрно-продуцирующей магии традиционной русской обрядовой культуры («похоронами Костромь», «проводами русалок», «похоронами мух», «похоронами соловья», «похоронами воробья» и т. п.) обряд «похорон кукушки» осмысливался организаторами и исполнителями ритуала «Зеленых святок» как мистический процесс выпроваживания нечисти и душ умерших в «иной мир», т. е. мир мертвых. Иными словами, это была практика аннигиляции «мира духов», прекращения контакта с потусторонними силами и возвращения общества в социальную реальность.

Так, в ходе исследований нам удалось выявить еще одну из вновь возрождаемых, но явно работающих на архаизацию социокультурного ландшафта поселений городского типа Ленинградской области тенденцию, а именно ритуальный аспект русской крестьянской кукольной традиции. В контексте проблемы эволюции социокультурного ландшафта Ленинградской области возрождение практик изготовления обрядовой куклы является элементом повседневной культуры, свидетельствующем об архаизации духовной жизни.

Социально-когнитивная функция. Образ птицы в мифологии народов мира так или иначе был связан с идеей реинкарнации жизни (птица-медиатор между миром людей и Богов, Небом, миром духов-предков). Начиная с образа птицы-ныряльщицы в космологической мифологии народов индоевропейского круга, орнитоморфного

образа Великой богини-матери (вавилонская богиня Иштар в образе птицы, Великая богиня-мать в гнезде на мировом дереве Древнего Египта, древнегреческая Персефона — богиня умирающей и воскресающей природа, т. е. греческий аналог Озириса), кончая голубем мира (см.: знаменитый рисунок П. Пикассо) и народным обрядовым фольклором о кукушке. Основными когнитивными функциями фольклорной кукушки являются: 1) медиативная (транслятор информации между мирами миром живых и миром мертвых); 2) прогностическая (метеорологических предсказаний: наступления вены, предсказания времени жизни человека, качества урожая и др.); 3) оборотническая (превращение человека в птицу).

Согласно этой поздней интерпретации ятрышник (цветок «Кукушкины слезки») получил свое название от женщины-матери трех сыновей. Мать ухаживала за сыновьями, но, когда она заболела, сыновья не стали ей помогать. Женщина обиделась, бросила их на произвол судьбы, обернулась кукушкой и навсегда покинула их.

Взрослые женщины руководили весенней обрядностью (организовывали весну), ибо считалось, что именно весна, а не пашня кормит весь год. Именно взрослые женщины призывали (пели соответствующие песни) и кормили (пекли обрядовые хлебцы и печенье) весну. Кульминацией серии обрядовых действий, способствовавших приходу весны, были ритуальные действия на вспаханном и засеянном женщинами поле. Обряд «Крещения и похорон кукушки» символизировал ритуальные хороводы весны. Так, в Нижегородской губернии был обычай делать из травы куклу, украшать ее цветами, целый день водить вокруг нее хороводы, а к вечеру с шутками и прибаутками разрывать ее на кусочки. Иногда наряжали в женский костюм березу, бросали ее в воду и смотрели: если всплывет — год будет урожайным. Если утонет — год будет неурожайным [5, с. 175]. «В петровское заговенье *хоронили весну*: делали куклу, клали на носилки, несли в поле и там трепали» [23, с. 237–245]. В некоторых местностях Лукояновского и Починковского районов (Горьковская обл.) до настоящего времени сохраняется обряд *похороны соловушки* (или *весны*), совершаемый на петровское заговенье. Наряженный шест или куклу из лопухов украшают венком, с пением несут в ржаное поле, водят вокруг него хороводы и бросают. «Соловушку» вырезали также из дерева «в виде птицы без крыльев», насаживали на шест, обвивали зеленью и несли в жито с песней «Провожали мы соловушку», чучело оставляли или разрывали в поле. По другим сведениям, соловушку делали «на человека похожего». В похоронах участвовали женщины и девушки, парни пытались отбить «соловушку», хлеща исполнительниц крапивой [5, с. 176]. В Пензенской губ. в XIX в. на второй-третий день пятидесятницы происходили *похороны Горюна*: «Молодежь устраивает соломенное чучело и после разных игр бросается с ним в воду» [5, с. 176].

Социально-трансляционная функция. Антропоморфная кукла — один из наиболее широко распространенных дидактический предмет традиционной педагогики. Куклы такого типа формировали систему ценностно-нормативных установок, оказывавших мощное социально-психологическое и обучающее воздействие на личность. Если обучающая роль статуэток палеолитического искусства может нами рассматриваться только гипотетически, то в современном обществе эта социальная роль антропоморфной куклы четко определена. Достаточно сравнить традиционную («бабушкину») антропоморфную куклу, куклу советской эпохи и куклу-Барби, которая пришла ей на смену в России 2000-х гг.

Социально регулирующая функция. Вместе с другими ритуалами аграрно-продуцирующей магии традиционной русской обрядовой культуры («похоронами

Костромы», «проводами русалок», «похоронами мух», «похоронами соловья», «похоронами воробья») полифункциональный с точки зрения социальной организации отношений Общество-Природа осмысливался организаторами и исполнителями ритуала как мистический процесс выпроваживания нечисти и душ умерших в «иной мир», т. е. мир мертвых. Иными словами, это была практика аннигиляции «мира духов», прекращения контакта с потусторонними силами и возвращения общества в социальную реальность.

Обрядность «Крещения и похорон кукушки» высвечивает несколько важных функций, поддерживавших существование традиционной социальной системы. На эту функцию указывают: а) время проведения обряда: переход от весны к лету; б) участие в обряде женщин всех возрастов: от девочек, молодых, до старух; в) символические похороны: умирает девушка, а рождается женщина. Причем похороны и рождение носят статусный, ролевой, сугубо символической характер; г) также на социализирующую функцию обряда «Крещения и похорон кукушки» указывает игровая часть обрядности, в которой куклу-кукушку в момент обряда перебрасывают друг другу участницы. Аналог такой игры мы можем наблюдать в современной свадебной обрядности: «букет невесты». Другая игра — «секреты» — воспроизводила: 1) сакральную часть обряда, а именно похоронный ритуал; 2) отсылала к индоевропейскому мифу, согласно которому «золотая и серебряная» кукушка ассоциировалась с идеей богатства и кладами. Представления о кукушке как золотой и серебряной птице сохранились в Калевале. Игра в русской языковой крестьянской традиции понималась широко. Игрой обозначался весь образ жизни молодежи, включавший труд и сопутствующие ему забавы. Игрой также обозначался свадебный процесс, так как взрослое население «играло» для молодежи свадебное торжество. Именно в играх с участием молодежи этнографы выявляли и описывали многие архаические сакральные моменты.

Проблему взаимоотношений поколений в традиционной русской культуре изучали этнографы (М. М. Громыко, Т. А. Бернштам). Особое внимание социально-антропологическому контексту этой проблематики уделили участники проекта «Этнография детства», осуществленного в 1980-х гг. под руководством И. С. Кона [17] и в работах автора настоящей статьи [24]. Обрядовые практики, включая обрядность «Крещения и похорон кукушки», в традиционном мировоззрении русского населения Центральной России были вписаны в космический цикл, а социальные процессы ощущались людьми как одно из звеньев космической структуры. В этой системе символических координат кукла-кукушка как обрядовый артефакт была метафорой, образом, символическим воплощением сразу нескольких социальных представлений: половозрастных, социально-ролевых, производственно-функциональных, мировоззренческих и мифопоэтических. Кукушка — это птица, на крыльях которой приходит весна. Она вестник и символ этого времени года. Кроме того, птица, особенно кукушка с ее «золотым голосом», считалась медиатором между миром людей и духов-предков. Кормление птиц (разбрасывание пищи на засеянных полях) являлось составной частью весенних обрядов в традиционной русской культуре. Поэтому обряд «Крещения и похорон кукушки», даже превратившийся в детскую забаву, сохранил ореол таинственности.

Таким образом, система мифопоэтических представлений и сам обряд «Крещения и похорон кукушки» стал притягателен для людей поселений городского типа (сел, деревень Ленинградской области), которые сегодня, будучи не удовлетворены достижениями глобализации, унифицирующей, усредняющей, выхолащивающей душу городского человека, стараются его по своему реконструировать. На практике, которую мы

наблюдали, этот обряд реконструируется по-разному: 1) в игровой форме из поколения в поколение передаются базовые акциональные, символические и сценарные коды обряда «Крещения и похорон кукушки», которые высвечивают явления (а не события) социальной жизни древних славянских племен Центральной и Северной России; 2) сохраняется и реализуется (в том числе и в авторском варианте) традиции изготовления тряпичной куклы; 3) авторских мастер-классах и программах дополнительного образования школьников, например, по курсу «Мировая художественная культура»; 4) в репертуарах фольклорных фестивалей, в которых принимают участие «реконструкторы по случаю» (т. е. представители местной деревенской общественности).

Сообщества реконструкторов пишут для своих обрядов свои сценарии; по-разному, с разных точек зрения, перемешивая самые разнообразные его стороны, стараются его воспроизводить. В некоторых случаях реконструкторы даже пытаются вносить в обряд элементы эзотерики и мистицизма, часто смешивая понятия «кукла-кукушка» и «оберег». Сегодня для большинства из нас, людей современного информационного, массового общества кукла-кукушка не может быть мистическим объектом. Слишком сильно в нас картезианское мышление. Не верим мы в духов природы, духов леса, оборотней т. п., т. е. во все то, что верили наши далекие предки — носители языческого мировоззрения.

Выводы

Наше исследование подтвердило высказанную в начале статьи гипотезу.

Социально-антропологический подход к сбору и анализу полевого материала позволил определить выявленный обрядовый артефакт — ритуальное чучело в виде куклы-кукушки как архаический элемент, принадлежащий миру традиционной крестьянской русской аграрной ментальности. Распространение практики изготовления ритуальных чучел (тряпичных/соломенных/изготовленных из растительных волокон и др. материалов кукол) сегодня инспирировано патриотическим политическим проектом возрождения традиционной русской культуры. Этот проект осуществляется на муниципальном уровне путем поддержки и организации местными властями этнических фестивалей, самодеятельных коллективов русской песни, кружков народного творчества, включая кружки и мастер-классы по изготовлению тряпичной куклы. На практике эта деятельность реализуется в мультипликации архаических элементов социокультурного ландшафта Ленинградской области, оказывающих сопротивление глобализации.

Анализ обрядовой куклы-кукушки на широком фоне историко-культурных данных, с привлечением гипотез, высказанных предшественниками, позволили нам высказать предположение о более глубоких, а именно: палеолитических исторических истоках женского по своему типу обрядового атрибута Семика — куклы-кукушки. Наше предположение основано на изучении системы социальных функций, в частности, интеграционной, когнитивной, трансляционной и др., поддерживавших обычаи женской части архаических и традиционных обществ в области материальной и духовной жизни. Спектр социальных и связанных с ним ритуальных функций ритуального чучела (начиная со скульптурных изображений женщин западноевропейского палеолита и до тряпичных кукол-кукушек русской этнографической современности), вероятно, был одинаковым.

Наравне с другими собранными нами элементами [семантикой гербов и гимнов (песен) поселений, эко-ориентированными эстетическими переживаниями и практиками, этническими массовыми мероприятиями (этнофестивали, Дни деревень, календар-

ные праздники, Рождественские гуляния, Масленица, «Зеленые святки», православные праздники), навыками трансляции практики изготовления тряпичной куклы, в том числе и куклы-кукушки] служит этноидентификационным маркером для больших групп русского населения Ленинградской области — сравнительно недавних мигрантов из Центральной и Северной России. Время появления большинства наших респондентов на обследованной территории — 1950–1970-е гг.

Сегодня эти люди, в основном женщины, более консервативные по типу мироощущения, чем мужчины, на уровне подсознания нуждаются в традиционной крестьянской русской аграрной этноидентификации в том числе и с целью оказания сопротивления не столько автохтонному (угро-финскому населению), сколько влиянию урбанизированной цивилизации. Для многих из них понятия глобализация и урбанизация тождественны.

Изучение тенденций архаизации открывает возможности управления современными социальными процессами. С одной стороны, модель будущего для конкретного общества, формы социального прогресса определяются подходом к решению проблемы выбора традиций воспитания молодежи, регулирования лакун в культурной преемственности. Именно традиции играют важную роль в сохранении социального консенсуса. С другой стороны, современные темпы цивилизационного (технологического и технико-экономического) развития общества значительно обостряют проблему баланса «старого и нового» в социальных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Альтиулер М. С.* Архив ЦНМ Московской консерватории. 2007 // Московский фольклорно-этнографический центр «Дербеневка». URL: http://derbenevka.com/part.php?i=arhiv_obryady&num=kuk (дата обращения: 10.05.2018).
- 2 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М.: Индрик, 1994. Т. 3. 346 с.
- 3 *Бажов С. И.* Современное значение спора западников и славянофилов // Вестник славянских культур. 2009. № 1 (XI). С. 48–56.
- 4 *Бернштам Т. А.* Обряд «Крещение и похороны кукушки» // Сб. МАЭ / под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1981. Т. 37: Материальная культура и мифология. 240 с.
- 5 *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1988. 256 с.
- 6 *Виноградова Л. И.* Крестить кукушку. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 672–674.
- 7 *Виноградова Е. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Наука, 2000. С. 200–201.
- 8 *Громько М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 340 с.
- 9 *Гура А. В.* Кукушка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 36–40.
- 10 *Дугин А.* Орден непорочного единорога // Наука и религия. 1997. № 3. С. 4–8.
- 11 *Елеонская Е. Н.* Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 148–159.

- 12 Журавлева Е. А. Структура русского обряда с «кукушкой» // Учен. зап. РПУ. М.: Изд-во РПУ, 1998. № 4. С. 186–195.
- 13 Запека О. А. Об исторических судьбах русского либерализма // Вестник славянских культур. 2012. № 2. С. 17–22.
- 14 Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1995. 450 с.
- 15 Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение. 1912. Т. 1–2. С. 92–93.
- 16 Клиндер В. Животные в античном и современном суеверии. Киев: Универ. Св. Владимира, 1911. 352 с.
- 17 Кон И. С. Ребенок и общество (Историко-этнографич. перспектива). М.: Наука, 1988. 235 с.
- 18 Корина Н. Б. Родственные наименования в славянской фразеологии // Вестник славянских культур. 2015. № 15 (38). С. 128–138.
- 19 Кукушка // Творческая мастерская ОчУмелкино. URL: http://ochumelkino.ucoz.ru/load/nashi_raboty/narodnye_kukly/kukushka/64-1-0-568 (дата обращения: 10.06.2018).
- 20 Лобкова Г. В. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб.: ДБ, 2000. 224 с.
- 21 Мельников Г. П. Академический проект «История славянских культур» // Вестник славянских культур. 2008. № 1–2 (9). С. 196–198.
- 22 Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011. 240 с.
- 23 Никитина А. В. Кукушка в славянском фольклоре. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 237–245.
- 24 Окладникова Е. А. Социально-антропологические размышления вокруг обряда «Похорон кукушки» // Homo Eurasicus в системах экологических и социальных связей. СПб.: L-Print, 2018. С. 133–139.
- 25 Пашина О. А. Похороны кукушки и проводы русалки: Обряды весенне-летнего пограничья Восточной Брянщины // Мифологические представления в народном творчестве. М.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1993. С. 27–49.
- 26 Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2010. 552 с.
- 27 Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л.: Наука, 1963. 234 с.
- 28 Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 507 с.
- 29 Радомская О. И. Естественность и покой в русской национальной традиции // Вестник славянских культур. 2010. № 1 (XV). С. 64–70.
- 30 Русанова Н. Обряд «крещения и похорон кукушки» в Белгородской области // Фольклор и литература: проблемы изучения: сб. ст. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2001. С. 237–245.
- 31 Сахаров И. П. Сказания русского народа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. I. 246 с.
- 32 Смирнов В. А. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян // Русский фольклор. Л.: Наука, 1981. Т. 20. С. 62–70.

- 33 Строк А. Ш. «Похороны кукушки» и «кукушечник» в Калужской области // Живая старина. 1999. № 4. С. 5–7.
- 34 Туфанова О. А. Женские образы во «Временнике» Ивана Тимофеева // Вестник славянских культуры. 2011. № 4 (XXII). С. 87–94.
- 35 Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002. 224 с.
- 36 De Gubernatis A. Die Thiere in der indogermanischen Mythologie: mit Verbesserungen und Zusätzen. Leipzig: Verlag von F. W. Grunow, 1874. P. 675.
- 37 Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 1–60. Wrocław-Poznań, 1961–1985. T. 1–5.
- 38 Mannhardt W. Germanische Mythen. Berlin: Schneider, 1858. P. 57–75.

© 2018. Elena A. Okladnikova
St. Petersburg, Russia

“CUCKOO DOLL” IN CONTEMPORARY ETHNO-IDENTIFICATION PRACTICES OF THE LENINGRAD REGION’S POPULATION

Abstract: Cuckoo doll is a relatively thoroughly studied ceremonial attribute of the Semik, traditional Russian agrarian holiday concluding Green holidays. Why study it? If we stay within the framework of ethnographic analysis, it would bring little. Therefore, the purpose of this article is to expand the scope of the already known, namely ethnographically, studied rite. Its ritual stuffed doll (cuckoo) traditionally supported the system of customs of the Slavic agrarian society. We have focused on modern practices (customs), through which social functions (cognitive, socializing, translational, regulatory, etc.) are implemented today and which determine the work of social institutions in modern societies. An important aspect of the discussion is a striking antiquity of this ritual attribute and its social significance as an integrative element of women's communities in archaic cultures. Actual field socio-anthropological study conducted in the villages and urban settlements of the Leningrad region revealed following social functions of the cuckoo doll: 1) ethno-integrating (Slavic, namely, Central and South, Russian) marker of the women's communities of the modern Russian population of this region; 2) evidence of archaizing modern rural culture practices of the various functional orientation, opposing American globalization; 3) element of spiritual culture of the modern socio-cultural landscape of the Leningrad region archaizing, used as a tool by local municipal authorities for implementing patriotic policy aimed at the revival of Russian culture.

Keywords: ritual cuckoo doll, Leningrad region, socio-cultural landscape, ethnocultural identification, archaic syndrome.

Information about the author: Elena A. Okladnikova — DSc in History, Professor, A. I. Herzen’s Russian State Pedagogical University, Embankment Moika, 48, 191186 St. Petersburg, Russia. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Received: January 21, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Okladnikova E. A. "Cuckoo doll" in contemporary ethno-identification practices of the Leningrad region’s population. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 64–86. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Al'tshuler M. S. Arkhiv TsNM Moskovskoi konservatorii. 2007 [Archives of the Moscow Conservatory. 2007]. *Moskovskii fol'klorno-etnograficheskii tsentr "Derbenevka"* [Moscow folklore and ethnographic center "Derbenevka"]. Available at: http://derbenevka.com/nart.php?i=arhiv_obryady&num=kuk (accessed 10 May 2018). (In Russian)
- 2 Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, Indrik Publ., 1994. Vol. 3. 346 p. (In Russian)
- 3 Bazhov S. I. Sovremennoe znachenie spora zapadnikov i slavianofilov [Modern value of the dispute of Westernizers and Slavophiles]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2009, no 1 (XI), pp. 48–56. (In Russian)
- 4 Bernshtam T. A. Obriad "Kreshchenie i pokhorony kukushki" [The rite of "Baptism and the funeral of cuckoo"]. *Sbornik MAE*, ed. by B. N. Putilova. Leningrad, Nauka Publ., 1981. Vol. 37: Material'naia kul'tura i mifologiya [Material culture and mythology]. 240 p. (In Russian)
- 5 Bernshtam T. A. *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX veka* [Youth in the ceremonial life of Russian community XIX – early XX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 256 p. (In Russian)
- 6 Vinogradova L. I. *Krestit' kukushku. Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [To baptize cuckoo. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.], ed. N. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999, vol. 2, pp. 672–674. (In Russian)
- 7 Vinogradova E. N. *Narodnaia demonologiya i mifo-ritual'naia traditsiia slavian* [Folk demonology and myth-ritual tradition of the Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 200–201. (In Russian)
- 8 Gromyko M. M. *Traditsionnye normy povedeniia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v.* [Traditional norms of behavior and forms of communication of the Russian peasants of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 340 p. (In Russian)
- 9 Gura A. V. *Kukushka* [Cuckoo]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [To baptize cuckoo. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.], ed. N. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004, vol. 3, pp. 36–40. (In Russian)
- 10 Dugin A. Orden neporochnogo edinoroga [Order of the immaculate unicorn]. *Nauka i religiya*, 1997, no 3, pp. 4–8. (In Russian)
- 11 Eleonskaia E. N. Kreshchenie i pokhorony kukushki v Tul'skoi i Kaluzhskoi guberniiakh [Baptism and funeral of cuckoo in Tula and Kaluga provinces]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1912, no 1–2, pp. 148–159. (In Russian)
- 12 Zhuravleva E. A. Struktura russkogo obriada s "kukushkoi" [The structure of the Russian "cuckoo" rite]. *Uchenye zapiski RPU* [Proceedings of the RPU]. Moscow, Izdatel'stvo RPU, 1998, no 4, pp. 186–195. (In Russian)
- 13 Zapeka O. A. Ob istoricheskikh sud'bakh russkogo liberalizma [On historical destinies of the Russian liberalism]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2012, no 2, pp. 17–22. (In Russian)
- 14 Zelenin D. K. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki [Essays on Russian mythology: Died of an unnatural death and mermaids]. *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture. 1901–1913* [Selected works. Articles on spiritual culture. 1901–1913]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 450 p. (In Russian)

- 15 Kedrina R. E. Obriad “kreshcheniia” i “pokhoron kukushki” v sviazi s narodnym kumovstvom [The ritual of “baptism” and “funeral of cuckoo” in connection with the folk godparenthood traditions]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1912, vols. 1–2, pp. 92–93. (In Russian)
- 16 Klinger V. *Zhivotnye v antichnom i sovremennom sueverii* [Animals in ancient and modern superstition]. Kiev, Universitet Sviatogo Vladimira Publ., 1911. 352 p. (In Russian)
- 17 Kon I. S. *Rebenok i obshchestvo (Istoriko-etnografich. perspektiva)* [Child and society (Historical and ethnographic prospect)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 235 p. (In Russian)
- 18 Korina N. B. Rodstvennye naimenovaniia v slavianskoi frazeologii [Related names in Slavic phraseology]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2015, no 15 (38), pp. 128–138. (In Russian)
- 19 Kukushka [Cuckoo]. *Tvorcheskaia masterskaia OchUmelkino* [Creative workshop, OchUmelkino]. Available at: http://ochumelkino.ucoz.ru/load/nashi_raboty/narodnye_kukly/kukushka/64-1-0-568 (accessed 10 June 18). (In Russian)
- 20 Lobkova G. V. *Drevnosti Pskovskoi zemli. Zhatvennaia obriadnost': obrazy, ritualy, khudozhestvennaia Sistema* [Antiquities of Pskov land. Reaping rites: images, rituals, artistic system]. St. Petersburg, DB Publ., 2000. 224 p. (In Russian)
- 21 Mel'nikov G. P. Akademicheskii proekt “Istoriiia slavianskikh kul'tur” [Academic project “History of Slavic cultures”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2008, no 1–2 (9), pp. 196–198. (In Russian)
- 22 Morozov I. A. *Fenomen kukly v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture. Krosskul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma* [The phenomenon of dolls in traditional and modern culture. Cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 240 p. (In Russian)
- 23 Nikitina A. V. *Kukushka v slavianskom fol'klore* [Cuckoo in Slavic folklore]. St. Petersburg, Idatel'stvo SPbGU Publ., 2002, pp. 237–245. (In Russian)
- 24 Okladnikova E. A. Sotsial'no-antropologicheskie razmyshleniia vokrug obriada “Pokhoron kukushki” [Socio-anthropological reflections on the ritual of “Cuckoo's Funeral”]. *Homo Eurasicus v sistemakh ekologicheskikh i sotsial'nykh sviazei* [Homo Eurasicus in environmental and social networks]. St. Petersburg, L-Print Publ., 2018, pp. 133–139. (In Russian)
- 25 Pashina O. A. Pokhorony kukushki i provody rusalki: Obriady vesenne-letnego pogranich'ia Vostochnoi Brianshchiny [The funeral of cuckoo and seeing mermaids: spring and summer rites in the borderland of the Eastern Bryansk region]. *Mifologicheskie predstavleniia v narodnom tvorchestve* [Mythological ideas in folk art]. Moscow, 1993, pp. 27–49. (In Russian)
- 26 Permilovskaia A. B. *Russkii Sever kak osobaia territoriiia naslediia* [Russian North as a specific area of patrimony]. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ.; Ekaterinburg, Idatel'stvo UrO RAN Publ., 2010. 552 p. (In Russian)
- 27 Propp V. Ia. *Russkie agrarnye prazdniki. Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia* [Russian agrarian holidays. Experience of historical and ethnographic research]. Leningrad, Nauka Publ., 1963. 234 p. (In Russian)
- 28 Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 507 p. (In Russian)

- 29 Radomskaia O. I. Estestvennost' i pokoi v russkoi natsional'noi traditsii [Naturalness and peace in Russian national tradition]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2010, no 1 (XV), pp. 64–70. (In Russian)
- 30 Rusanova N. Obriad “kreshcheniia i pokhoron kukushki” v Belgorodskoi oblasti [The ritual of “baptism and funeral of cuckoo” in the Belgorod region]. *Fol'klor i literatura: problemy izucheniia: sbornik statei* [Folklore and literature: problems of study: collection of articles]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 2001, pp. 237–245. (In Russian)
- 31 Sakharov I. P. *Skazaniia russkogo naroda* [Legends of the Russian people]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2013. Vol. I. 246 p. (In Russian)
- 32 Smirnov V. A. Obriad “kreshcheniia” i “pokhoron kukushki” i kupal'skaia obriadovaia poeziia vostochnykh slavian [The rite of “baptism” and “cuckoo`s funeral” and Kupala ritual poetry of the Eastern Slavs]. *Russkii fol'klor* [Russian folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 20, pp. 62–70. (In Russian)
- 33 Strok A. Sh. “Pokhorony kukushki” i “kukushechnik” v Kaluzhskoi oblasti [“Funeral of cuckoo” and “cuckoo party” in the Kaluga region]. *Zhivaia starina*, 1999, no 4, pp. 5–7. (In Russian)
- 34 Tufanova O. A. Zhenskie obrazy vo “Vremennike” Ivana Timofeeva [Women's images in “Time Book” by Ivan Timofeev]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2011, no 4 (XXII), pp. 87–94. (In Russian)
- 35 Cherednikova M. P. “Golos detstva iz dal'nei dali...” (*Igra, magiia, mif v detskoii kul'ture*) [“The voice of childhood from far away...” (Game, magic, myth in children's culture)]. Moscow, Labirint Publ., 2002. 224 p. (In Russian)
- 36 De Gubernatis A. *Die Thiere in der indogermanischen Mythologie: mit Verbesserungen und Zusatzen* [Animals in the Indo-European mythology: with improvements, and Zusatzen]. Leipzig, Verlag von F. W. Grunow Publ., 1874, p. 675. (In Germany)
- 37 Kolberg O. *Dziela wszystkie* [Works of all kinds]. T. 1–60. Wrocław-Poznań, 1961–1985. T. 1–5. (In Polish)
- 38 Mannhardt W. *Germanische Mythen* [Germanic Myths]. Berlin, Schneider Publ., 1858, pp. 57–75. (In Germany)